

А. Я. ГУРЕВИЧ

К ИСТОРИИ ГРОТЕСКА. О ПРИРОДЕ КОМИЧЕСКОГО В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ»

Перед исследователем гротеска, комического и карнавального принципов в истории культуры открывается поистине безграничное поле деятельности. В особенности в области изучения культур древности и средневековья. Чем архаичнее культура, чем менее дифференцированы отдельные ее формы, пребывающие в той или иной мере в состоянии исконной органической слитности, тем более значимо смеховое начало в общем ее механизме и тем разительнее его своеобразие при сравнении с тем, что мы ныне считаем комическим. Но именно это своеобразие и непохожесть на современный смех крайне затрудняют адекватное постижение природы архаического смеха и правильное раскрытие его функции в системе мировоззрения древних людей. Более или менее ясна ошибочность оценки смеховых аспектов древних и средневековых культур на основе критериев, заданных литературой Нового времени. Но каков должен быть к ним здравый исторический подход? Если самая проблема карнавальной, смеховой культуры поставлена в трудах М. М. Бахтина исключительно убедительно и существенность ее более не может вызывать сомнений, то совершенно иначе обстоит дело с конкретной разработкой материала. Методы исследования его еще только предстоит найти.

Перспективным представляется мне изучение отдельных целостных комплексов памятников, принадлежащих одной культуре, даже, если возможно, одному жанру или направлению литературы определенной эпохи, с тем чтобы затем сопоставить эти порознь исследованные комплексы и попытаться сделать более широкие наблюдения.

В предыдущей статье¹ я рассматривал проблему гротескного в средневековой латинской литературе. Несмотря на то, что поучения, «примеры», проповеди, жития святых, «диалоги о чудесах», рассказы о видениях загробного мира вышли из-под пера церковных авторов и были предназначены для наставления паствы в целях душеспасительных, следовательно, до предела серьезных, возвышенных, — тем не менее во всех этих благочестивых сочинениях неизменно присутствует «снижающая» тенденция. Она обнаруживается и в изображении нечистой силы, сочетающем внушаемый ею ужас с издевательством над нею и с ее осмеянием; и в характеристике «святых простецов»; и в демонстрации чудес, в которых предельная спиритуализация неразрывно переплетена с низменно-земным и греховным; и в трактовке святых и даже самого бога, сплошь и рядом покидающих горний мир для того, чтобы активно вмешаться в земные дела и вести себя среди людей совершенно «по-людски», т. е. любить и ненавидеть, обижаться и награждать, браниться и наказывать. Короче говоря, эта снижающая тенденция проявляется во всей обширной пограничной

¹ Гуревич А. Я. К истории гротеска. «Верх» и «низ» в средневековой латинской литературе. — Изв. АН СССР. Серия лит. и языка, 1975, т. 34. № 4.